

существенно снижает эффективность воспитательного воздействия. В этой связи уместно напомнить, что отдельные ученые в области уголовного права еще на стадии разработки и принятия УК Республики Беларусь 1999 г. высказывали предложения о необходимости трансформации исправительных работ в разновидность штрафа в виде части годового заработка или дохода осужденного.

В-третьих, результативность применения исправительных работ к лицам, не работающим на день постановления приговора, оценивается как низкая в связи с тем, что карательное содержание исправительных работ в данном случае усиливается обязанностью выполнения любой другой работы в случае отсутствия вакансий по специальности и безуспешных попыток трудоустроиться самостоятельно, что свидетельствует о пренебрежении к пожеланиям осужденного и само по себе влечет снижение воспитательного воздействия.

Вместе с тем полагается логичным успешное преодоление вышеуказанных трудностей, связанных с применением исправительных работ на современном этапе. Так, например, стимулирование субъектов хозяйствования к активному включению в процесс создания вакансий для приема на работу осужденных к исправительным работам возможно посредством корректировки налогового законодательства в части снижения налоговой ставки на прибыль предприятий и организаций, предоставляющих рабочие места указанной категории граждан.

Усиление исправительного воздействия на осужденных к исправительным работам видится в законодательном расширении перечня мер поощрения более широким практическим их применением.

Таким образом, выступая за сохранение анализируемого вида наказания, следует отметить необходимость проведения тщательного исследования для выработки научно-обоснованных мер повышения его эффективности в современных социально-экономических условиях.

УДК 343.8

Е.Н. Большунова

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ БОРЬБЫ С РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В русском дореволюционном законодательстве о рецидиве преступлений упоминается в ст. 8 Псковской судной грамоты и ст. 5 Двинской уставной грамоты, в 1397 г. впервые определивших понятие «повторение преступлений», во многом сходное с понятием «рецидив».

Соборное уложение 1649 г. повторением называет только совершение нескольких однородных преступлений независимо от времени, прошедшего между их совершением.

Проект Уложения Российской империи 1813 г., подготовленный по приказу Александра I, предусматривал наряду со специальным и общее повторение преступлений.

Свод законов, подготовленный по указанию Николая I и вступивший в силу 1 января 1835 г., в ст. 124 содержал положение, согласно которому повторение одного и того же преступления умножает вину преступника. При этом повторением преступления считался факт, когда преступник, «будучи наказан за преступление, учинил то же самое в другой или третий раз».

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало четкое разграничение понятий повторения и совокупности преступлений, а Закон от 3 февраля 1892 г. уже предусматривал обязательные признаки повторения: тождественность преступлений или их однородность; отбытие наказания за первое преступление; давность повторения для всех преступлений.

Употребление в Уложении и последующих дореволюционных законах одновременно нескольких понятий (общее, специальное повторение, совокупность преступлений, однородность преступлений и др.) подталкивало юридическую науку к дальнейшему разграничению отдельных видов и форм множественности преступлений прежде всего с учетом их опасности.

Со второй половины XIX в. в специальной литературе чаще употребляется термин «рецидив» преступлений, первоначально используемый для обозначения наиболее опасного вида повторения – совершения одним лицом в течение относительно непродолжительного времени двух или более тождественных или однородных преступлений. Однако по поводу других признаков рецидива преступлений и о конкретных путях борьбы с ним высказывались различные, а иногда и противоположные суждения.

При определении меры наказания уже в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года» и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. предписывалось изучать наряду с иными существенными обстоятельствами «личность преступника, поскольку таковая выяснялась в учиненном им преступлении и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании его образа жизни и прошлого, а также устанавливается, насколько само преступление в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности» (п. 24 Кодекса).

Для определения меры наказания различается: «...совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз...» (п. 25 Кодекса)

При анализе рецидивной преступности отмечалось, что «преступника-рецидивиста характеризует повышенная степень общественной опасности его личности. Это находит свое выражение в самом факте повторного совершения таким лицом преступления вопреки примененным к нему ранее мерам исправительно-трудового воздействия».

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. (п. «г» ст. 31) отнесли совершение преступления рецидивистом к числу отягчающих обстоятельств, влекущих применение к осужденному более строгой меры социальной защиты, но не раскрыли содержание самого понятия «рецидивист». В связи с этим в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. и Уголовных кодексах других республик термины «рецидив» и «рецидивист» не употреблялись, а говорилось только о повторении преступлений, как отягчающем ответственность обстоятельстве. Однако в других нормативных актах и литературе термин «рецидивист» использовался для обозначения привычного, профессионального преступника.

Термин «рецидив» вплоть до 1958 г. был изъят из законодательства.

Возвращение к понятию рецидива преступлений совпало с периодом ликвидации последствий культа личности Сталина и так называемой «хрущевской оттепели», с проявлением стремления отказаться от скомпрометировавших себя догм. Свою роль здесь

сыграла и неоправданно широкая амнистия 1953 г., когда на свободе оказалось большое количество опасных рецидивистов. Последовавшее за этим резкое обострение криминогенной ситуации потребовало принятия соответствующих мер. Статья 23 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (Основы) устанавливала правила, усиливающие наказание «особо опасных рецидивистов» без указаний на то, кого следует ими считать.

Текст Основ был дополнен в 1969 г. ст. 23¹, в которой раскрывались признаки особо опасного рецидива и описывался общий порядок признания лица особо опасным рецидивистом. Соответственно Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 24¹ «Особо опасный рецидивист», и аналогичные новеллы были внесены в Уголовные кодексы других союзных республик.

Анализ текста ст. 24¹ Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. позволяет заключить, что возможность признания лица особо опасным рецидивистом зависела от характера и тяжести совершенных преступлений (характер и тяжесть вновь совершенного преступления не имели значения лишь в случае, предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 24¹); количества судимостей за них; срока наказания в виде лишения свободы, определяемого за преступление, в связи с которым суд рассматривает вопрос о признании виновного особо опасным рецидивистом (исключение составлял п. 3 ч. 1 ст. 24¹, где законодателем придавалось более важное значение не сроку лишения свободы, а интенсивности преступного поведения рецидивиста); возрасту (учитывались судимости лишь за преступления, совершенные лицом по достижении 18 лет).

Таким образом, вывод о повышенной опасности конкретного преступника основывался не на умозрительных предположениях об особой склонности к преступлениям, неисправимости лица и т. п., а на конкретных юридических фактах, совершении определенных преступлений. В ст. 24¹ Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР) перечислялись именно те преступления, которые обычно причиняют наибольший ущерб гражданам, обществу, государству или наиболее часто встречаются и практике борьбы с рецидивной преступностью. Повторное их совершение свидетельствует об определенной закономерности, последовательности и преднамеренности преступного поведения. Оно влечет за собой право суда дать наиболее отрицательную оценку не только деянию, но и личности, т. е. признать ее особо опасным рецидивистом.

Для исключения формального подхода к признанию лица особо опасным рецидивистом УК РСФСР предусматривал особый порядок решения этого вопроса. Согласно ч. 2 ст. 24¹ указанного Кодекса лицо могло быть признано особо опасным рецидивистом: только судом с обязательной мотивировкой принятого решения в приговоре; на основании анализа не только факта наличия вышеперечисленных оснований, предусмотренных законом, но и особенностей личности, степени опасности и мотивов преступлений, степени осуществления преступных намерений, степени и характера участия в совершении преступлений и других обстоятельств.

Итак, институт особо опасного рецидивиста просуществовал вплоть до вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. и послужил мощным стимулом для научного изучения проблем борьбы с рецидивной преступностью. В нем рецидив преступлений впервые закреплен как законченный правовой институт, конструкция которого аккумулирует опыт борьбы с преступностью и достижения науки, отвечает на многие дискуссионные вопросы. В ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации речь идет об общем простом рецидиве с уточнением об умышленном характере совершенного ранее преступления. В ч. 2 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации определен вид рецидива, именуемый «опасным», а в ч. 3 данной статьи – особо опасный рецидив преступлений.

Таким образом, понятие «повторение преступлений», во многом сходное с понятием рецидива, встречается еще в русском дореволюционном законодательстве (в Псковской судной грамоте, Двинской уставной грамоте).

При определении меры наказания уже в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года» и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. предписывалось изучать личность преступника наряду с иными существенными обстоятельствами.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. и Уголовных кодексах других республик термины «рецидив» и «рецидивист» не употреблялись, а говорилось только о повторении преступлений, как отягчающем ответственность обстоятельстве.

Возвращение к понятию рецидива преступлений законодательно оформилось в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., которые устанавливали правила, усиливающие наказание «особо опасных рецидивистов».

УДК 343.791

Ж.А. Борисова

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО (НЕПРАВОМЕРНОГО) ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Кто владеет информацией, тот владеет миром», говорил британский финансист Натан Майер фон Ротшильд. И действительно, ценность информации велика, а в современном мире особо значима. Некоторые авторы называют создание индустрии производства и обработки информации отличительной особенностью современного периода развития человечества, ведь в эпоху информационных технологий происходит глобальная компьютеризация всех сфер жизнедеятельности. Общество озабочено проблемами безопасности функционирования информационных компьютерных систем и сетей, разрабатывая и внедряя для этого комплекс правовых, организационных и технических мер защиты. Чем более значимой становится сама информация как объект преступного посягательства, тем больший интерес она представляет для несанкционированного доступа. Преступность ни на шаг не отстает от технологического прогресса, разрабатывая новые способы и средства нарушения систем защиты. И здесь верным видится утверждение Н.Ф. Ахраменка, что «основным способом воздействия на человеческий фактор по-прежнему остается метод правового запрета общественно опасного поведения с использованием ЭВМ либо с воздействием на них». Однако ввиду широкого распространения Интернет-технологий, создавших условия для практически беспрепятственной коммуникации населения всего земного шара, преступления против информационной безопасности (преступления в сфере компьютерной информации) все чаще приобретают трансграничный характер и, следовательно, требуют объединения усилий не только отдельных государств, но и всего